

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ИНЦИДЕНТ
В ЛЕ БУРЖЕ

Спецназ. Группа Антитеррор

Максим Шахов

Инцидент в Ле Бурже

«ЭКСМО»

2015

Шахов М. А.

Инцидент в Ле Бурже / М. А. Шахов — «Эксмо»,
2015 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

На парижском авиасалоне в Ле Бурже планируется презентация новейшего российского самолета «Экстра-Джет». Для освещения события одна из московских газет отправляет во Францию корреспондента Алексея Данилова. В Париже Алексей случайно встречает давнюю подругу Юлию. Та сообщает Данилову, что ее муж, известный американский бизнесмен, приказал своим подручным взорвать «Экстра-Джет» во время презентации и тем самым устранить опасного конкурента в авиабизнесе. Данилов срочно сообщает о готовящемся теракте начальнику охраны российской делегации, но тот не принимает слова корреспондента всерьез. Тогда Алексей решает предотвратить взрыв самостоятельно...

© Шахов М. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Максим Шахов

Инцидент в Ле Бурже

© Шахов М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Алексей Данилов не любил Париж. Вернее, был к нему равнодушен. А еще вернее, такова была легенда, которую он сам себе придумал. Данилов равнодушен к Парижу! Это странно тешило самолюбие. Иногда в тесной компании он любил, посмеиваясь, заметить: «Праздник, который всегда с тобой? Нам, знаете, теперь не до праздников. В наше время не до сантиментов, расслабляться нельзя ни на секунду. Дело, дело, дело!.. Нет, конечно, приятно, когда вокруг комфорт, парижанки, каштаны, уличные кафе, но...» Как ни удивительно, ему не прекословили. По крайней мере, в глаза. Репутация Алексея Данилова позволяла ему время от времени изображать из себя чуть ли не гуру. Удачливый журналист, подвизавшийся в модных журналах, знакомый с массой знаменитостей, красавец-мужчина, спорт-смен, великолепный стрелок и в недавнем прошлом мастер рукопашного боя, вдобавок завязанный холостяк – ему завидовали многие. Иногда он и сам себе завидовал, до того удачно все складывалось в его жизни. Разумеется, об этом Данилов говорил с иронией. Он был далеко не глуп и понимал, что внешние признаки успеха еще ничего не значат, важно, как ты сам оцениваешь свой успех, что у тебя на душе. А на душе у Данилова в последнее время царил далеко не безмятежность. Он все чаще задумывался о том, чего добился в жизни, и получалось, что в общем-то ничего существенного. Да, он стяжал себе репутацию, да, он опубликовал ряд блестящих материалов в престижных журналах, у него были деньги, машина, была хорошая квартира в Москве, красивые любовницы, но он был одинок, как медведь-шатун, в случае чего даже поссориться из-за его наследства некому. Данилов понимал, что все созданное им настолько брэнно, что, уйди он, и всякое воспоминание о нем исчезнет очень быстро. Это ощущение появилось у него сравнительно недавно, но возвращалось все чаще и чаще. Данилов старался гнать от себя мрачные мысли. Он смотрел в зеркало и видел там крепкого, выдавшего виды мужчину, великолепно выбритого, с легкой сединой на висках, с твердо очерченной физиономией, в хорошем пиджаке и дорогом галстуке – такой не должен унывать ни при каких обстоятельствах. Да и прознай о таких настроениях его окружение, и все пропало – его растопчут, вытеснят на обочину. Правильно, сегодня не до сантиментов. Важно продать свой товар.

К его счастью, для окружающих Данилов оставался прежним Даниловым, героем и счастливым человеком. И важную командировку в Париж на авиасалон в Ле Бурже получил именно он. Главный редактор Леонид Самусевич говорил с ним лично, и очень вдохновенно.

«Это именно для тебя работа, Данилов! – вещал он, от возбуждения то и дело поправляя очки на толстом носу. – Ты работаешь в «Оптимуме»! Нам не нужны сухие подробности, техническая заумь, летные характеристики, в которых все равно никто ни черта не понимает. Наш читатель – не деловой человек, не технарь, не практик. Наш читатель – просвещенная жена делового человека! Она – женщина, но с претензиями, понимаешь? Нам нужно настроение! Настроение, Данилов! Нужно показать, что это прорыв! Синее небо, белоснежные крылья, алое пламя турбин – понимаешь, о чем я? Цвета национального флага! Вот что ты должен описать! Чтобы пробрало до костей! Чтобы восторг был, подъем, понятно? Покажи, что трудные времена позади и мы снова идем от победы к победе!»

В напарники Данилову достался редакционный фотограф Костя Ликостратов, лысоватый сорокавосемилетний мужик с комплекцией вышедшего в тираж тяжеловеса, участвовавшего в боях без правил. Когда-то он и вправду этим занимался. Двенадцать побед, четыре поражения. В жизни Ликостратова было четыре увлечения – мордобой, фотография, женщины и частный сыск. Из-за последнего увлечения ему даже дали прозвище «инспектор Лестрейд». Все ему мнилось, что в один прекрасный день на одной из своих фотографий он найдет следы таинственного убийства, как в старом фильме Антониони. Однако переводиться в какой-нибудь криминальный журнал Костя не спешил, подсознательно, видимо, опасаясь затеряться среди

профессионалов сыска. В редакции «Оптимума» его репутация была незыблема, особенно после того, как однажды он сумел разоблачить злостного инсайдера. Отношения Данилова с Ликостратовым были приятельские – их сближали возраст, холостяцкий статус и вкус к приключениям. Впрочем, к приключениям Данилов с некоторых пор заметно охладел.

До «Оптимума» он работал в серьезном журнале, где занимался расследованиями на грани криминала и политики, не раз попадая в критические ситуации, но всегда выпутываясь из них с помощью не только тонкого ума, но и грубой силы. Последняя его статья сильно задела одного влиятельного человека, и у Данилова возникли очень большие неприятности. Он пользовался информацией, не подкрепленной доказательствами, имя же чиновника, от которого эту информацию получил, раскрыть не мог в силу этических соображений, а в результате сам едва не попал под суд. Все было очень серьезно, но влиятельный человек не захотел огласки, и Данилов отделался увольнением и опалой на долгие шесть месяцев. После этого он решил стать окончательным циником и держаться подальше от опасных тем. Жизнь дается один раз, сказал он себе, и она слишком прекрасна, чтобы тратить ее на кого-то, кроме собственной персоны. По такому принципу он с тех пор и жил. Его журналистское мастерство было широко известно, и после некоторого периода застоя Данилову удалось устроиться в «Оптимум», журнал гламурного, скорее, направления, но претендующий на некоторую солидность и основательность. Здесь Алексей быстро пошел в гору, писал блистательные репортажи и статьи ни о чем и уже стал забывать о прежней напряженной, нервной и опасной работе. Он был почти счастлив.

Да и вояж в Париж пришелся как нельзя кстати. На самом деле он конечно же любил этот удивительный город, любил настолько, что даже самому себе стеснялся в этом признаться. Даже просто мысль о Париже была для него предощущением праздника. И ради уютных улочек, парижанок, каштанов Данилов готов был забыть обо всех делах. Впрочем, панегирик о победах на грядущем авиасалоне он напишет одной левой, а в основном будет наслаждаться Парижем, его воздухом, солнцем, этим загадочным розовым туманом, окутывающим легендарный город.

В Париже, кстати, жила одна женщина, о которой Данилов часто вспоминал – с каким-то юношеским восторгом и с затаенной грустью. Юлия. Она русская, его соотечественница, но судьбе было угодно, чтобы познакомились они в Греции, под жарким солнцем, возле сверкающего моря, под высоченными кипарисами. Ей было двадцать восемь, ему тридцать пять. В Юлии странным образом сочетались трогательная красота, презрение к условностям и практичность рантье. В то время она имела какое-то отношение к Министерству внешней торговли. Кажется, была референтом крупного чиновника. Но в Грецию попала не по делам, а в отпуск. Роман их продолжался две недели и закончился тоже довольно странно. В одно прекрасное утро во время завтрака Юлия вдруг объявила ему, что выходит замуж за греческого промышленника. При этом она счастливо улыбалась и мечтательно щурила глаза, что-то разглядывая в синем небе за спиной Данилова. Он для нее уже как бы не существовал.

Данилов был достаточно опытен, чтобы принять эту ситуацию с юмором, но в глубине души был уязвлен. До этого злосчастного утра он был уверен, что его отношения с Юлией переросли рамки простой интрижки и что он для нее тоже кое-что значит. Даже строил какие-то смутные планы. И вдруг этот неизвестно откуда взявшийся грек! Данилов так и не смог запомнить его невероятную фамилию, о которую запросто можно было сломать язык. Юлия же без колебаний поменяла свою вполне благозвучную фамилию Востокова на заковыристую греческую и навсегда исчезла из жизни Данилова. Она словно перебралась на легендарный Олимп, куда Данилову ходу не было. Он теперь только из газет узнавал о судьбе женщины, в которую был так несчастливо влюблен. А Юлия шла от победы к победе – после грека вышла замуж за итальянского плейбоя, владельца нескольких яхт и вилл на побережье Средиземного моря, потом за какого-то французского киномагната и обосновалась в Париже. С киношником у нее тоже не сложилось – уже с год ходили слухи, что Юлия разводится. Но что бы ни было

дальше, к Данилову это не имело ни малейшего отношения. Он знал, что должен выбросить из головы свою старую любовь, но не мог. Особенно трудно было это сделать, когда судьба забрасывала его в Париж. А там ему удалось побывать несколько раз – готовил репортаж о нелегальной торговле оружием. В результате этих поездок он обзавелся в Париже друзьями и даже подружками, но Юлия по-прежнему оставалась лишь прекрасным воспоминанием, недоступным призраком. Она неминуемо должна была измениться, но Данилову не удалось раздобыть даже ее фотографии – Юлия на редкость удачно избегала публичности, – и он мог только гадать, насколько она изменилась. В его памяти Юлия была все той же, совсем юной, с тонкой, спортивной фигуркой, с длинными темными волосами, с удивительным выражением бесстыдной наивности в серых глазах, какое бывает лишь у совершенно свободных людей, не обремененных никакими обязательствами.

Данилов окончательно ушел в воспоминания, но тут самолет тряхнуло, и он, оглядевшись по сторонам и бросив взгляд сквозь прозрачную броню иллюминатора, сообразил, что они садятся.

«Вот и Париж! – с неожиданным ликованием в душе подумал он. – Париж, Париж, Париж!»

– Слышь, Леша, а ты помнишь название отеля, который нам забронировали? – озабоченно спросил Ликостратов, поворачиваясь к Данилову.

– «Медуза», кажется, – ответил тот, приходя в себя. – Надо в бумагах посмотреть. А что?

– Ужасно! – помрачнел Ликостратов. – «Медуза»! Представляю тамошний комфорт. Холодная вода и тараканы. Самусевич всегда экономит на отелях. На прошлом Ле Бурже я жил в «Авалоне» – ничего особенного, но все-таки прилично, так он сердечный припадок изобразил, когда смотрел наши счета. Теперь наверняка дал менеджерам задание подыскать что-то совсем дешевое, чертов сквалыга... Надеюсь, нас, по крайней мере, встретят. Не хотелось бы метаться тут с чемоданами в поисках такси. У меня почему-то всегда проблемы с такси...

– Ничего, – улыбнулся Данилов. – В крайнем случае такси я беру на себя. А ты, значит, был на прошлом Ле Бурже? Этот факт как-то прошел мимо моего сознания.

– Был, – озабоченно подтвердил Ликостратов. – И поэтому никому тут не доверяю. В прошлый раз площадка для фотографов была из рук вон – все желающие не поместились. Постоянно возникали конфликты. Были проблемы с аккредитацией, с парковкой... Пробки громадные. Уехать-приехать – целая проблема. Нет, сейчас брошу вещи и сразу рвану в Ле Бурже – менять виртуальный бейджик на настоящий. Тебе советую сделать то же самое. Хотя вам, писакам, конечно, проще – катать, что в голову взбредет... В принципе ты мог вообще никуда не ездить. А мы – люди технические, нам нужны соответствующие условия для нашего высокотехнологичного труда. Только боюсь, что, если ничего не изменилось, придется снова бороться за место под солнцем...

Данилов не был на прошлом авиасалоне, но опасений товарища не разделял. Ему казалось, что все образуется. Воздух Парижа уже пьянил его.

И действительно, все складывалось как нельзя лучше. В аэропорту их встретили. Заказанное еще в Москве по Интернету такси ждало их и без проблем доставило на северо-восток Парижа, где в тихом переулке между улицей Мобеж и улицей Ла-Фейет располагался их отель.

Одиночный номер, доставшийся Данилову, роскошным действительно не выглядел – крошечный душ, в котором едва можно было повернуться, туалет и комната – маленькая, но аккуратная, почти целиком занятая большой кроватью. В углу висел телевизор. Небольшой балкончик выходил в тихий переулок, засаженный старыми деревьями. Двери на балкон были приоткрыты, и ветер колыхал прозрачные шторы. Пахло свежей листвой – видимо, в этом районе совсем недавно прошел дождь, кое-где на асфальте еще виднелись темные пятна. Данилов вышел на балкон.

«Тишина. Ни одного прохожего. Старые каштаны. Странное ощущение, что впереди ждет что-то необычное – как в юности. Хотя ничего необычного быть не может. Кажется, это и называется магией Парижа?»

Он с удовольствием вдохнул сладковатый влажный воздух. Но тут за спиной сильно качнулись занавески, и недовольный голос Ликостратова окликнул его из глубины комнаты:

– Ну и как тебе нравится этот хлеб? Мы, асы журналистики, должны ютиться в собачьей конуре! Что я говорил? Самусевич за копейку удавится... Так ты идешь менять бейджик? Кстати, в час дня пресс-конференция руководителей нашей делегации, ты не забыл? Вообще-то официальные встречи завтра, это будет просто торжественный междусобойчик, но все-таки... Все шишки авиастроения, весь журналистский пул, красивые девушки... Можно будет прикинуть перспективы...

– Знаешь, – ответил Данилов, – сходи без меня. В случае чего объясни, что я приболел. Мне что-то не хочется.

– Нехорошо, Данилов! – укоризненно заметил Ликостратов. – Отлыниваешь!

– Сам сказал, что мне можно писать, не выходя из дома, – усмехнулся Алексей. – Нет, в самом деле, авиасалон начнется только завтра, самое важное будет в конце – зачем опережать события? Достаточно, если на передовой у нас будешь ты.

– Вот так всегда, – недовольно покачал головой Ликостратов. – Кто везет, на том и пашут. Хорошо, замолвлю за тебя словечко. Но ты меня скоро не жди – я намерен серьезно разведать поляну. Честно говоря, у меня договор еще с одним изданием – обещал ежедневно обеспечивать их фоторепортажами. Но это коммерческая тайна, Данилов! Если узнает Самусевич, я буду знать, кто проболтался.

– Я не болтун, – успокоил его Данилов. – И весьма толерантный человек. И уж мешать подкальмить я никому не стану.

– Тогда я ушел, – объявил Ликостратов. – Волка ноги кормят. Вечерком закатимся куда-нибудь, а? Обменяться впечатлениями?

– С удовольствием, – кивнул Алексей. – У меня есть на примете один кабачок неподалеку от Триумфальной арки...

– Заметано! Часов в шесть я стукну в твою дверь, – уже выходя из номера, бросил Ликостратов.

Данилов начал распаковываться. Он собирался для начала принять душ и переодеться. Дальнейшие планы казались туманными. Хотелось побыть одному, собраться с мыслями.

Раздался деликатный стук в дверь. Открыв ее, Данилов увидел на пороге серьезного парнишку-рассыльного в униформе отеля.

– Мсье, вам просили передать, – сказал он, протягивая небольшой конверт. – Письмо.

– Мне? – удивился Данилов. – Письмо? От кого? Кто передал?

– Письмо оставили у портье. Один человек, – лаконично объяснил парнишка. – Для мсье Данилофф из этого номера. Вы – мсье Данилофф?

– В общем, да, – кивнул Алексей и взял письмо. – Благодарю. Ах да!..

Он сунул посылному какую-то мелочь и, недоумевая, осмотрел конверт. Разумеется, вычислить его местонахождение при желании не составляло труда, но зачем? Кому он мог понадобиться? И потом, письмо. Сейчас не девятнадцатый век – телефоны, веб-почта, чего только нет – кто будет посылать с нарочным записки? Смеха ради Данилов понюхал конверт. Нет, духами он не благоухал. Похоже, романтикой тут не пахло. Он надорвал конверт и вытащил письмо, отпечатанное на принтере кириллицей. Оно гласило:

«Улица Тюренн в квартале Марэ. Бар «Нежный дикарь». 13.00. Это крайне важно. И уничтожьте письмо».

Глава 2

Мало сказать, что Данилов был удивлен. Пожалуй, он был здорово сбит с толку. Да, у него имелись кое-какие знакомства в Париже – близкие и не очень, но ни один из его знакомых никогда не позволил бы себе подобного розыгрыша. Это были люди дела, умеющие ценить время и добрые человеческие отношения. Заниматься ерундой в духе студенческих капустников они бы не стали ни при каких обстоятельствах. В том, что записка, скорее всего, дурацкий розыгрыш, Данилов почему-то не сомневался. Слишком невероятно было ее содержание, да и появление тоже. Может быть, пошутил кто-то из коллег? На авиасалон журналисты двинулись табором. Вот эта публика вполне способна на любое свинство.

Самое разумное – выбросить записку в мусор и забыть о ней, но Данилов почему-то медлил. А вдруг это эхо из его прошлой жизни, отголоски его полукриминальных расследований, переполненных всяческими приключениями? Нет, этого не может быть – прошлое похоронено, он отошел от дел, и это всем известно, к нему бесполезно обращаться. Его профиль теперь – оптимизм, воодушевление, синее небо, белые крылья... А если так, зачем связываться со взрывоопасным материалом? Он не хочет начинать все сначала, решительно не хочет. Жизнь без проблем прекрасна.

Но проблемы уже начались. На душе у Данилова было беспокойно, словно он совершил что-то неприглядное или вложил деньги в заведомо гиблый проект.

В конце концов он решил посоветоваться с Ликостратовым. Тот уже покидал свой номер, обвешанный со всех сторон фотоаппаратурой, и Данилов перехватил его на самом пороге.

Надо сказать, что в этот момент Алексей совершенно забыл про детективные наклонности приятеля. А потом уже было поздно. Уяснив суть дела, Ликостратов загорелся и принялся метаться по своему тесному номеру, как пантера в клетке. Фотоаппараты опасно мотались на его груди, точно огромные амулеты, но он не обращал на это внимания.

– Черт возьми, Данилов! – возбужденно говорил он. – Это бомба! Я чувствую – наклеивается материальчик высшей пробы! Нет, серьезно, этого упускать нельзя! Поверь мне, это неспроста.

– А я боюсь, что нам просто подсовывают какую-то глупость, – заявил Данилов, как бы невзначай переадресовывая странное письмо и товарищу тоже. – Хотят, чтобы мы купились. Только я не понимаю, кому от этого выгода.

– Вот именно, что выгоды никакой быть не может! – воскликнул Ликостратов. – Мы с тобой не финансисты, не террористы, даже не дипломатические представители. Мы из солидного журнала, допустим, но, опять же, наш «Оптимум» все-таки не «Форбс», не «Пари-Матч» какой-нибудь... Кому он тут нужен? Ты со мной согласен?

– Но тогда тем более непонятно...

– Вот! Я про то и говорю, что загадка! Эх, времени нет, а то бы я непременно с тобой пошел... Ну, ладно, ты пока один сходи, а вечером все расскажешь, и мы выработаем план действий...

– Какой план? – изумился Данилов. – А если это розыгрыш?

– Ну, тогда... – немного подумав, протянул Ликостратов. – Можно будет вставить эту историю в твой репортаж, как бы добавить перчику... Типа, загадочное письмо, какие-то таинственные тени, какие-то неясные подозрения. Что-нибудь эдакое, с привкусом детективного романа! В ироническом ключе, конечно. Читатель от этого прется... Ты, кстати, этот район знаешь хорошо?

– Бывал пару раз, – пожал плечами Данилов. – Пробегал, скорее. Знакомых у меня там точно нет.

– Значит, будь настороже, – предупредил Ликостратов и показал ему свой мобильный телефон. – В случае необходимости звони – я все брошу и примчусь.

– М-да, у тебя и в самом деле какой-то детектив получается, – недовольно пробормотал Алексей. – А я сыт детективами по горло, предпочел бы, чтобы это была женщина. Но женщины таких писем не пишут. Они вообще ничего сейчас не пишут, кроме эсэмэсок.

– Тем более ты должен пойти! – не сдавался Ликостратов. – А вдруг женщина? Представляешь – парижанка!..

– Слишком хорошо знает русский язык эта парижанка! – с сомнением заметил Данилов.

Он еще раз пробежал глазами письмо. Нет, тон его совсем не казался женским. Если отбросить версию о розыгрыше, такой тон можно было расценивать как тревожный. Но кого мог встревожить визит Данилова?

– Поезжай-поезжай! – похлопал его по плечу Ликостратов. – Пощупай все своими руками. Мне кажется, тут что-то интересное вырисовывается. Не пойдешь – потом все локти себе искусаешь.

Данилов не был уверен, что его действительно ждет что-то интересное, но все-таки согласился с Ликостратовым, что поехать надо. В конце концов, сейчас не те времена, когда любой лишний шаг за границей мог повлечь за собой неприятности и оргвыводы по партийной линии. В случае провокации или розыгрыша всегда можно будет с достоинством выйти из игры.

Он не нашел в справочнике нужного бара и решил отправиться на свидание пораньше, чтобы на месте во всем разобраться.

Доехал на метро до площади Бастилии и не спеша отправился по бульвару в сторону площади Вогезов. Гомон пестрой толпы, пышная зелень каштанов на тротуарах, витрины, пылающие золотым огнем, старинные каменные дома, имеющие величественный и одновременно слегка легкомысленный вид, кружили голову. Данилов мигом позабыл о том, что он – выдавший виды человек, равнодушный к банальным красотах, которыми путеводители заманивают новичков. Париж действительно дарил ощущение непрекращающегося праздника, заставлял вспомнить, что сама жизнь и есть праздник, и требовал наслаждаться каждой ее минутой.

Он свернул в тесные переулки, некоторые из которых сохранили свое направление со времен Средневековья. Здесь старинные детали причудливо переплетались с самыми современными идеями. Тяжелая каменная плитка, которой были вымощены тротуары, кованые металлические фонари – и в то же время зеркальные окна до пола, неистовые краски реклам, вызывающие наряды и прически. Данилов потерялся в этом водовороте и опомнился только тогда, когда на глаза ему попала ярко-желтая вывеска бара «Нежный дикарь». Он оглянулся по сторонам и решительно толкнул стеклянную дверь.

Обстановка внутри сразу же смутила его. Несмотря на ранний час, в баре было немало посетителей, но все они были мужского пола. Юноши и мужчины с плавными движениями, в ярких майках, обтягивающих мускулистые торсы. Казалось, на новичка никто из них не обратил внимания, но Данилов все-таки поймал на себе несколько любопытствующих взглядов, брошенных украдкой. Настроение у него моментально упало. Теперь он не сомневался, что стал жертвой розыгрыша.

Хотя Алексей считал себя достаточно толерантным человеком, к представителям сексуальных меньшинств он относился с некоторой брезгливостью и, уж разумеется, не посещал их специфических заведений, даже из любопытства. Ему не хотелось размышлять сейчас над тем, кто решился на такую дурацкую шутку, и он собирался просто повернуться и сразу уйти, но в этот момент к нему скользящей походкой приблизился высокий предупредительный официант в белоснежной рубашке и бабочке и с полупоклоном осведомился:

– Мсье Данилов, не так ли?

Подбирая непослушные французские слова, Алексей сухо подтвердил, что это именно его фамилия.

– Вас ждут, – сообщил официант и с очередным почтительным полупоклоном указал куда-то в глубину зала. Данилов всмотрелся, ожидая увидеть знакомое лицо, но такового не было, вообще никого похожего на любителя розыгрышей он не углядел. Получалось, что шутку намеревались провернуть через подставное лицо, но это выходило чересчур громоздко, да, пожалуй, и накладно.

– Кто ждет? – спросил он официанта.

– Простите, но этот человек мне не представился, – ответил тот и осторожно поинтересовался: – Эта встреча для вас нежелательна?

– Не знаю, – задумчиво произнес Данилов. – А впрочем, идемте!

Официант проводил его до дальнего столика, где в одиночестве сидел молодой человек в сером льняном мешковатом костюме, очень коротко стриженный, в солнцезащитных очках в пол-лица. Данилов с недоумением взглянул на него, на официанта, и тут молодой человек коротко бросил официанту: «Стакан воды, пожалуйста!» – и кивнул Данилову, приглашая присаживаться.

Официант исчез, а Данилова вдруг словно окатили кипятком – он задохнулся, взмок, и у него потемнело в глазах, потому что это был никакой не молодой человек, а та, о которой он думал во время полета, которую все еще любил по прошествии стольких лет, – это была Юлия собственной персоной.

– Ты?! – выдохнул Данилов, почти падая на стул. – Как это может быть? Как ты меня нашла? Зачем эта конспирация? У тебя ревнивый муж? Но, кажется, здесь в Париже не бывает ревнивых мужей. И почему ты рассталась со своими волосами? Я узнал тебя только по голосу...

– Успокойся! – негромко проговорила Юлия по-русски. – Не привлекай к нам внимания. Правда, здесь я впервые, бар этот открыт недавно, но все равно мы должны быть осторожны. – Осторожны? Значит, все-таки ревность?

Юлия пристально посмотрела на него, не снимая очков, но Данилов без труда уловил насмешливое выражение на ее лице.

– Брось, – сказала она, – ревность тут ни при чем. Причина куда серьезнее, поэтому настраивайся на соответственный лад. Я вижу, ты все еще числишь себя романтиком. Это приятно, но непродуктивно. Что прошло, Данилов, то прошло. Я живу настоящим и тебе советую. Если бы не чрезвычайные обстоятельства, этой встречи, разумеется, не было бы.

Видимо, на лице Данилова слишком откровенно отразились растерянность и огорчение, вызванные этими словами, потому что Юлия протянула руку и ласково дотронулась до рукава Данилова:

– Ну-ну, не стоит расстраиваться! Чтобы тебя утешить, я готова согласиться, что то время, которое мы провели вместе, было сказочно прекрасным! Да-да! Я была безумно увлечена тобой. Кстати, могу признаться – ты был замечательным любовником. Я нисколько не пытаюсь тебе льстить, что было, то было. Но, в отличие от большинства женщин, я никогда не смешивала сердечные влечения и деловые вопросы. Беды в жизни начинаются именно тогда, когда все валят в одну кучу. Согласись, если бы мы тогда продолжили эту нашу историю, все кончилось бы глупо, возможно даже, женитьбой, и мы оба выглядели бы сейчас жалкими и старыми. Нет, я все сделала правильно, а ты остался моим прекрасным воспоминанием – этакий Аполлон на каменистом древнем берегу... Ха-ха! Такое объяснение тебя, надеюсь, устраивает? Потому что нам нужно обсудить очень важный вопрос, а твоя сентиментальность мне мешает. Сосредоточься!

– Ладно, я все понял, – нахмурившись, кивнул Данилов. – Будем жить настоящим. И что же у нас в настоящем? Зачем тебе вдруг понадобился я – призрак из прошлого? И кстати, как ты меня нашла?

– Очень просто, – пожала плечами Юлия. – Я читаю много русских газет, слежу за Интернетом. Узнала, что тебя командируют на Ле Бурже от журнала «Оптимум», а выяснить, в какой гостинице ты остановишься, совсем несложно.

– А почему это дурацкое письмо? Разве нельзя было позвонить? Прийти, наконец?

– А вот и нельзя, – отрезала Юлия. – Кстати, ты уничтожил письмо?

Данилов покопался в карманах, достал смятый листок. Она щелкнула зажигалкой, с каким-то мрачным старанием спалила письмо в пепельнице и тихо произнесла:

– Дело крайне опасное, Данилов! А мое имя – вообще табу. Если я для тебя что-то значу, постарайся с этой минуты его забыть.

– Так все плохо? – озадаченно спросил Данилов. – Тебе грозит опасность?

– Будет грозить, если обо мне станет известно. Если хотя бы малейшим намеком...

– Нет-нет, я этого никогда не сделаю, – поспешно перебил ее Данилов. – Ради тебя...

– Ладно, не надо кляtv. Просто имей в виду, если где-то всплывет мое имя, на следующий день я уже буду мертва.

– Господи! – Данилов вытер вспотевший лоб. – Что же случилось?

Почтительно приблизился официант, снял с подноса стакан с прозрачной водой. Юлия кивнула, сделала глоток, а он вопросительно посмотрел на Данилова. Тот мотнул головой:

– Нет-нет, я ничего не хочу!

Официант удалился.

– Пока ничего не случилось, – продолжила Юлия, – но обязательно случится, если ты не примешь меры.

– Я?! Ничего не понимаю.

– Российская делегация привезла на Ле Бурже новейшую модель самолета, не так ли? Суперлайнер «Экстра-Джет», чудо техники, которое оставляет далеко позади ведущие строительные авиакомпании мира. Сюрприз сезона. Он дешевле, быстрее, экономичнее, тише, у него уникальный дизайн... Я ничего не забыла?

– Ну да, так и есть, – нерешительно проговорил Данилов. – Я должен написать об этом большую статью. В позитивном ключе. Типа, рывок в будущее, победа новых технологий. Гордость за страну и человеческий разум. Мир восхищен. Партнеры, контракты... Десятки цветных фотографий.

– Да, только есть одно «но»... – с какой-то странной интонацией произнесла Юлия и нервно оглянулась по сторонам, точно утопающий, высматривающий в пучине спасительную соломинку. – Честное слово, не понимаю, зачем я все это тебе рассказываю...

– Что? – растерянно спросил Алексей.

Данилов был уязвлен до глубины души. Женщина, о которой он совсем недавно вспоминал с теплотой и любовью, вдруг вышла из ностальгической дымки, реальная, но странно изменившаяся, потерявшая былое обаяние, нелепо остриженная, наряженная в нелепый костюм, сухая, деловитая и при этом неприятно таинственная. Он чувствовал себя обманутым. И еще много чего чувствовал, чего и сам себе объяснить не мог. Впрочем, все это можно было уместить в одно слово – разочарование. Поэтому Данилов не особо вникал в то, что говорила ему эта почти чужая женщина. Ему хотелось поскорее уйти.

Но Юлия, кажется, уже взяла себя в руки и снова заговорила:

– Слушай, вернись на землю! Я слишком многим рискую, чтобы полагаться на романтического героя-любownika. Вижу, что ты разочарован, но так и должно быть, мы ведь теперь совсем другие. Что касается моей внешности, то и этот наряд, и прическа – маскировка, чтобы сбить со следа ищек...

– Тебя ищут? – тупо спросил Данилов. – Ты что-то натворила?

– Только собираюсь, – жестко ответила Юлия. – И наконец, приди в себя! Я помню решительного, сильного и проникательного мужчину. Неужели ты так сильно сдал, совсем потерял былую форму?

– Нет-нет, я в порядке, – пробормотал Данилов. – Ты говорила что-то про самолет...

– Да, говорила. Если тема тебя интересует, слушай внимательно и не пропускай ни одного слова. Второго раза не будет. Ваш расчудесный самолет собираются взорвать во время демонстрационного полета. Сам понимаешь, конкуренция – жестокая вещь. Да, сейчас вы на волне успеха, вы рассчитываете на многомиллионные контракты, все складывается как нельзя лучше. Но самолет взрывается, и о контрактах можно забыть. Пока найдется причина, пока эксперты сделают выводы, пока будет восстановлена репутация, авиапромышленность уйдет вперед, рынок определит новые приоритеты, и это уже будете не вы.

– Вот это да! – воскликнул Данилов. – Но откуда... откуда ты об этом узнала?

– Неважно, – мотнула головой Юлия. – Информация точная. Но у тебя еще есть шанс предупредить своих.

– А почему ты сама не предупредишь? Если ты знаешь подробности, то тебе и карты в руки.

– Ладно, я готова все объяснить, делаю скидку на твою бестолковость, но с одним условием – ты все сразу забудешь. Обещаешь?

– Разумеется, – кивнул Данилов. – Я сделаю все, как ты хочешь.

– Мой теперешний муж входит в состав правления крупного авиаконцерна «Анаконда Корпорейшн». Это интернациональный концерн, но большая часть активов находится в банках Южной Америки. Они вложили большие деньги в пассажирский лайнер и рассчитывают, что он будет хорошо продвигаться на рынке.

– Это они? Они собираются взорвать?!

– Ты не мог бы менее ярко выражать свои эмоции? – поморщившись, проговорила Юлия. – Никак не возьмешь в толк, что для меня эта встреча смертельно опасна.

– Ну да, это они, – схватившись за голову, пробормотал Данилов. – Твой муж хочет взорвать наш самолет. И если он узнает, что ты продала его...

– Вот именно. Ты начинаешь делать успехи, – желчно заметила Юлия. – Именно по этой причине ты не должен не только не упоминать моего имени, но даже намекать на мое существование не имеешь права. Если бы я сама пришла в полицию, результат, наверное, был бы веселее, но уже наутро обо мне трубили бы все газеты.

– Я все понял. Я – могила. Рассказывай дальше.

– Я мало знаю, просто слышала краем уха разговор. Мой муж отвечает за маркетинг и безопасность корпорации в широком смысле этого слова, поэтому ему приходится заниматься не вполне христианскими делами... Одним словом, некоему Костелло поручено организовать проникновение на ваш лайнер. Подробностей не знаю. Подслушивала я недолго, элементарный инстинкт самосохранения. По правде говоря, какое-то время я колебалась, не забыть ли мне все это, но, как видишь... Думаю, если ты обратишься в службу безопасности своей делегации, они сообразят, что делать. Только займись этим после восемнадцати часов, ладно?

– Почему после восемнадцати?

– Потому что в этот час я с мужем вылетаю в Южную Америку.

– Боже! Ты собираешься и дальше жить с этим чудовищем? – невольно вырвалось у Данилова.

– Он не большее чудовище, чем любой другой, – холодно посмотрела на него Юлия. – Но зато у него много денег. И у него великолепная вилла на берегу океана. С балкона видно, как в багровые волны садится утомленное солнце. Естественно, теперь это и моя вилла.

– Поздравляю, – буркнул Данилов. – Догадываюсь, что в гости меня не пригласят.

– Правильно догадываешься, – усмехнулась она и поднялась со стула. – Мне пора. Выйдешь через пять минут после меня. И будь очень внимателен, когда пойдешь к своим. Забудь про меня, ладно?

Данилов кивнул. Юлия наклонилась и легко поцеловала его в щеку. Прохладный аромат духов скользнул ему в ноздри.

– Но если все так, если инстинкт, если вилла, то... то почему ты решила обо всем рассказать? – почти жалобно спросил Данилов.

– Ну, так я все же русская, милый! – улыбнулась она, повернулась на каблуках и пошла к выходу.

Несмотря на мешковатый костюм, походка у нее оставалась грациозной, как и прежде.

Данилов махнул ослабевшей рукой официанту и попросил:

– Будьте добры, двойной коньяк!

Глава 3

Обратный путь Данилов проделал как в тумане. Он никак не мог прийти в себя. Ничего себе, командировочка получается! Наверное, еще вчера подобное ему и в страшном сне не могло присниться. Таинственное письмо, бар для геев, старая любовь и сногсшибательная новость, от которой по спине бежали мурашки. Какие-то негодяи собираются взорвать самолет! Тот самый, на который возлагается столько надежд, в который вложен труд тысяч людей, который стал уже символом скорого триумфа! А он даже распорядиться этой информацией в полной мере не может. То есть может, конечно, но не сделает этого ни при каких обстоятельствах. Даже если его будут поджаривать на медленном огне, он не назовет имени Юлии. Она недвусмысленно дала понять, что жизнь ее в опасности. Назвать ее – значит убить. И как с этим жить дальше? Да и что даст спецслужбам ее имя? Вечером она улетит вместе с подлюгой-мужем на другой конец света, доказательств никаких, а тогда какой толк от ее имени? Данилов решил, что доложит в службу безопасности о готовящемся теракте, но источник не назовет. Источник останется анонимным.

До отеля от станции метро нужно было пройти два тихих квартала, и Данилов был рад остаться на некоторое время в одиночестве, вырваться из пестрой гомонящей толпы, в которой ни один человек не мог посочувствовать ему и помочь. Он впервые подумал о том, что стареет. Раньше подобное приключение заставило бы его двигаться, действовать, выплескивать энергию направо и налево, прошибать любые барьеры, а теперь хотелось одного – бросить все и оказаться дома, в тихой холостяцкой квартире перед включенным телевизором. Насколько комфортнее узнавать обо всех подобных злодеяниях из выпуска новостей. Личное участие в них казалось сейчас ему абсолютно лишним. Но делать нечего – он должен донести полученную информацию до компетентных людей. К начальнику группы «Экстра-Джет», конечно, не пробиться, как и к руководителю делегации. Придется ограничиться службой безопасности. Данилов надеялся, что его сообщение произведет на силовиков должное впечатление. Слишком высоки ставки, да и для чего существует служба безопасности, как не предупреждать малейшую опасность?

Уже подходя к отелю, он вдруг сообразил, что за ним довольно уже долго движется один и тот же человек – мужчина лет тридцати пяти, с явной примесью южной, скорее всего, арабской крови, высокий, статный, одетый в щегольской костюм песочного цвета, без галстука, коротко стриженный и чем-то отдаленно напоминающий покойного Фредди Меркьюри. Как давно он идет следом за ним, Данилов сказать не мог, но отчего-то в душе появилось тревожное чувство. Он остановился и довольно бесцеремонно уставился на незнакомца. Тот тоже немедленно остановился, достал из кармана пачку, вытряхнул из нее длинную темно-коричневую сигарету и стал неторопливо закуривать, не глядя в сторону Данилова. На смуглом лице его было написано полнейшее равнодушие.

Такое поведение окончательно насторожило Данилова. Он был достаточно знаком с местными нравами, и подчеркнутое равнодушие этого человека наводило на размышления.

Первой его мыслью было пройти мимо отеля и попробовать оторваться от преследователя. Но потом Данилов решил, что слишком устал, чтобы заниматься подобными глупостями, тем более что выяснить его местонахождение при желании не составит никакого труда, что блестяще уже доказала Юлия.

Он вошел в гостиницу, а мулат, покуривая сигарету, небрежной походкой прошествовал мимо, не удостоив его даже взглядом. Данилов пожал плечами, спросил у портье ключ и поднялся к себе в номер. Кажется, он действительно начинает видеть призраков. Пуганая ворона куста боится. Юлия ведь говорила о том, что об их встрече не знает ни одна живая душа.

Он послонялся по номеру, посидел в кресле, вышел на балкон, снова вернулся, не находя себе места. А время словно застыло, и до восемнадцати часов было так же далеко, как до Южной Америки. Тогда он решил скоротать время в баре отеля. Можно было бы сходить куда-нибудь пообедать, но у него совершенно пропал аппетит. Он понимал, что ведет себя неправильно, но ничего поделать с собой не мог. В баре Данилов пробыл не меньше часа и вышел оттуда слегка навеселе. Поэтому сначала его не слишком смутило небольшое происшествие, о котором ему с крайне виноватым видом сообщил портье.

– Приношу тысячу извинений за беспокойство, мсье Данилов! – с чрезвычайно озабоченным видом обратился он к Данилову, заметив его в холле. – Это наше упущение, и мы готовы компенсировать ваши убытки. Поверьте, такое у нас впервые. Но сейчас времена изменились, вы же знаете, кругом эти люди... О той Франции, которая у нас была, можно только мечтать... Ну, вы понимаете...

Из сбивчивых объяснений портье Данилов наконец понял, что произошло. Пока он накачивался коньяком в баре, портье позвонили из жилого дома напротив, и некий «доброжелатель» сообщил, что в гостиницу на балкон второго этажа забрался подозрительный субъект. Звонивший был склонен вызвать полицию, но все-таки хотел сначала убедиться, не ошибся ли он. Портье уговорил его в полицию не звонить, пообещав все немедленно выяснить и поступить сообразно обстоятельствам. Взяв двоих парней покрепче, портье проверил номера и пришел к выводу, что злоумышленник проник именно к Данилову. Правда, пока обходили другие номера, пока искали Данилова и запасные ключи, лазутчика и след простыл. Его толком никто даже не видел. Судя по всему, он находился в номере совсем недолго – минуту или две, не больше.

– В самом деле, мсье, мы очень сожалеем, – удрученно твердил портье. – Обычно такого не происходит. Мы готовы возместить убытки. В свою очередь, мы хотели просить вас не обращаться в полицию. Бизнес в последнее время идет из рук вон плохо, любая антиреклама станет смертельным ударом. Посетители пойдут в другие отели, начнутся увольнения, сами понимаете, как это бывает...

Данилов согласился не сообщать в полицию и даже великодушно махнул рукой на возможные убытки. Портье все же настоял, чтобы он немедленно все проверил, и оба вместе отправились в номер.

Данилов был готов увидеть следы погрома, развороченные чемоданы, вспоротые матрасы, но ничего подобного не увидел. Он даже усомнился, побывал ли здесь незванный гость на самом деле.

– Вашим соседям, должно быть, померещилось, – благодушно заметил Алексей. – Или тот тип залез на другой балкон. Может быть, кто-то потерял ключ. Или какая-нибудь другая романтическая история. Где, как не во Франции...

– Нет, мсье, Франция уже не та, – грустно покачал головой портье. – Никто уже не лезет на балкон ради дамы. И потом, мы все проверили. Пожалуй, соседи не ошиблись – ваш балкон подходит больше всего. Кстати, забыл вам сказать – тот, кто лез на балкон, был похож на араба. Но одет прилично. И ловкий же черт! Я бы на вашем месте тщательнее проверил багаж.

– Я так и сделаю, – пообещал Данилов. – Но не думаю, чтобы в моем багаже что-то могло заинтересовать вора. И, пожалуй, не стоит по таким пустякам беспокоить полицию.

Портье заверил Данилова в своей горячей дружбе и ушел, а он, оставшись один, все-таки проверил багаж. При более тщательном рассмотрении стало ясно, что в его вещах рылись. Похоже, злоумышленников интересовали его записи и все, на чем могла стоять его фамилия.

«Вот дьявол! – растерянно подумал Данилов. – Такой поворот мне совсем не нравится. Если сопоставить факты, получается, что за Юлией следили и, как она ни заматала следы, сели ей на хвост. Хотел бы я знать, чем это грозит мне, а тем более ей. В авиастроительном бизнесе крутятся такие деньги, что ни о чем хорошем как-то не думается. Что же делать? В самом деле

обратиться в полицию? А что я им скажу? Я даже не знаю ее нынешней фамилии, не знаю, куда она улетает. И какие вообще у меня аргументы? Пока удастся убедить полицию, что я не лгун и не сумасшедший, ее самолет уже будет в воздухе. И даже если ее задержат – она наверняка откажется от своих слов. Просто заявит, что видит меня впервые в жизни! Не говоря уже о том, что тогда ее песенка точно спета. Нет, это не вариант. Придется крутиться самому. Вот дьявол! Вместо роскошного парижского променада меня ждет море неприятностей. Кто знает, что это за араб? Нужно как можно быстрее найти людей из службы безопасности и поставить их перед фактом. Тогда моя хата опять будет с краю, и я смогу спокойно выполнить задание».

Нужно было только дотерпеть до шести часов. Данилов же с этой минуты не мог найти себе места. Он метался по тесному номеру, как лев в клетке. То и дело выскакивал на балкон и подозрительно вглядывался в панораму улицы. На улице было по-прежнему спокойно, и он снова скрывался в комнате. Время тянулось невыносимо долго. Нервы Данилова были взвинчены до предела, и внезапный стук в дверь заставил его вздрогнуть. Он посмотрел на часы – была половина шестого. Дверь открылась, и через порог шагнул чрезвычайно довольный Ликостратов. На нем не было его вечных фотоаппаратов, он уже успел принять душ, выпить парочку коктейлей и предвкушал скорый ужин в центре Парижа, который ему обещал Данилов.

– Я готов! – плотоядно улыбнулся Ликостратов. – А как ты? У тебя все в порядке? Ты встречался с этим загадочным корреспондентом? Э! Поймай! Да на тебе лица нет! Ты заболел? Что случилось?

Данилов ответил не сразу, не зная, какую линию поведения ему выбрать, какую часть правды открыть Ликостратову. Самолет Юлии еще не поднялся в воздух. Он бросил взгляд на часы и, принужденно улыбнувшись, проговорил:

– С чего ты взял? Я в порядке. А что узнал ты? Каковы перспективы?

– Если говорить о деле в целом, то перспективы радужные, – объявил Ликостратов. – Полсотни предприятий со своими экспозициями. Производители титана, приборостроители, моторостроители, космическая отрасль... Полторы тысячи квадратных метров. Под главный наш самолет выстроен целый павильон. Реклама ожидается бешеная. Радует, что для фотокорреспондентов расширили площадку, и вообще внимания прессе в этот раз намного больше. Я, кстати, познакомился с одной милой девушкой из команды нашего «Экстра-Джета». Она из группы, которая будет нести охрану главного павильона. Мариночка... Хочу убедить ее устроить мне персональную экскурсию. Хочется заснять необычные ракурсы... Но ты, кажется, меня не слушаешь, э!.. Да что такое с тобой творится?!

Данилов потер щеки, словно пробуждаясь от тяжелого сна, помотал головой и еще раз посмотрел на часы. Было без пяти минут шесть. «Пока расскажу, самолет уже стартует, – подумал он. – Ладно, будь что будет!»

– Понимаешь, такая штука... Даже не знаю, как сказать... Одним словом, у меня появилась информация, что наш самолет, ну, «Экстра-Джет», собираются взорвать...

– Как?! – выпучил глаза Ликостратов. – Ты шутишь!

– Не полный же я идиот, чтобы так шутить! – хмуро сказал Данилов. – За этой акцией стоят конкуренты. Они рассчитывают на кого-то из бригады, обслуживающей лайнер. Вряд ли на легчиков, потому что самолет должны взорвать во время демонстрационного полета. Все это, конечно, ужасно, и я сам до сих пор не пришел в себя. Нужно найти кого-нибудь из службы безопасности и все сообщить.

– Ничего себе! – покрутил головой Ликостратов. – Ну, хорошо, я верю, что ты не шутишь. Но ведь кто-то мог пошутить над тобой – ты не допускаешь такой возможности? Это связано с тем письмом, верно? Кто это был?

– А вот кто это был, я не собираюсь сообщать никому, даже тебе, – твердо произнес Алексей. – Скажем так, анонимный источник.

– Это осложняет дело, – забеспокоился Ликостратов. – Тебя обязательно спросят... Может, ты это сам все выдумал?

– Разумеется, спросят. Но прошу уяснить раз и навсегда – мне неизвестно, кто это был, я этого человека не видел, мы разговаривали через стенку в туалете...

– Вы по-русски разговаривали? – перебил Ликостратов.

– По-французски, – чуть замямвшись, ответил Данилов.

– Ясно, значит, по-русски, – деловито кивнул смекалистый Ликостратов. – Впрочем, это твое дело. Меня там не было. Если хочешь, я могу сказать, что ничего не знаю. Но у тебя будут проблемы.

– Они у меня уже начались, – буркнул Данилов и вкратце рассказал о подозрительном арабе.

– К тебе проникли в номер? – поразился Ликостратов. – Ничего себе! Нужно обратиться в полицию!

– Обойдемся без полиции, – поморщился Данилов. – Полиция – это потерянное время, это бесконечные допросы, это бестолковое топтание на месте. В конце концов, что я могу предъявить? Я даже толком описать этого араба не смогу. Да и не интересуют их наши проблемы, и никогда не интересовали. А нам нужно, не теряя время, искать кого-то из службы безопасности... Ты со мной или нет? Ты говорил про какую-то Мариночку. Наверняка взял ее телефон? Позвони, узнай, где сейчас можно найти кого-нибудь из службы безопасности.

– Ладно, – слегка растерянно произнес Ликостратов. – Телефончик у меня правда имеется. Только я, с твоего позволения, удалюсь для разговора. Не люблю, знаешь...

Что он не любит, Ликостратов не объяснил и, доставая на ходу мобильный, вышел в коридор. Через пару минут вернулся, несколько смущенный, и объяснил:

– Кажется, напрямую связаться с руководителем службы безопасности не получится. Мариночка не знает, как его найти. Но она предложила нам встретиться с человеком, который отвечает за связь с прессой. Он базируется в гостинице, которая находится в двух шагах от главного входа в авиасалон, очень удобно. «Белая звезда» называется. Они все там живут. Его, возможно, нет сейчас на месте, но она обещала найти его и перезвонить.

– Какой нам толк от типа, который приглядывает за прессой! – досадливо поморщился Данилов.

– По крайней мере, он подскажет, к кому обратиться, – пожал плечами Ликостратов. – Честно говоря, выбор у нас с тобой не слишком велик, по-моему.

– Ты прав, выбор действительно невелик. Спустись к портье, пускай он вызовет такси. И вот еще... Позвони своей Марине и скинь ей мой номер. Пусть перезвонит, и мы с ней все обсудим.

– Это еще зачем? – ревниво спросил Ликостратов. – Я что, с тобой не еду?

– У меня к тебе просьба – пока меня не будет, посторожи, пожалуйста, мой номер. Не думаю, что буду отсутствовать слишком долго, но мне не хотелось бы, чтобы в моих вещах опять рылись. Кто знает, что придет в голову этим придуркам? Еще подкинут что-нибудь...

– Вот те раз! – огорченно произнес Ликостратов. – Ты меня бросаешь в самый решительный момент? Не очень-то это красиво! Я только настроился распутать детективную историю...

– Что значит – бросаешь? Через час я вернусь, и мы отправимся ужинать. И какая, к черту, детективная история! Передам информацию компетентным органам, и пусть они ею занимаются. Наша хата, слава богу, с краю. Не знаю, что собираешься делать ты, но я намерен выкинуть эту историю из головы раз и навсегда. Тем более что служба безопасности наверняка все засекретит, и в журнал этот материал не пойдет.

– Гм, значит, так, да?.. – Ликостратов выглядел абсолютно разочарованным. – Ну что же, тебе виднее... Ладно, посижу у тебя. Только закажу в номер за твой счет бутылку вермута! Должен я, в конце концов, как-то компенсировать себе вынужденный простой!

– Да хоть ящик, – рассеянно бросил Данилов. – Только уж, пожалуйста, не проворонь незваных гостей!

– Обижаешь, начальник! От меня ни одна муха не ускользнет.

Ликостратов ушел, а через пять минут вернулся и сообщил, что такси вот-вот подъедет.

– С Мариной я связался, дал ей твой номер и обо всем предупредил, – добавил он. – Минут через двадцать она тебе перезвонит. Только имей в виду, никаких посторонних мотивов с твоей стороны! А то я тебя знаю! Учти, у меня виды на эту девушку! Ты ее недостойн!

– Иди к черту! – отмахнулся Данилов. – Мне сейчас только девушек не хватало... Все! Я пошел. А ты оставайся и бди!

Он быстро вышел из номера, спустился на улицу, где его уже ждало такси, и сел в машину.

Водитель, молодой парень в кожаной куртке, казался воплощением стопроцентного француза – здоровый цвет лица, упитанное тело, выдающийся нос, безмятежная улыбка и беззаботный взгляд. Казалось, он готов был ехать с Даниловым хоть на край света.

– Гостиницу «Белая звезда» поблизости от Ле Бурже знаете? – спросил Данилов. – Едем туда. И поскорее, пожалуйста.

Таксист присвистнул в знак согласия и рванул машину с места так, что Данилова вдавило в кресло, и он невольно подумал: «Черт! Хоть бы удалось сегодня со всем этим покончить!»

Данилов был так занят своими мыслями, что не сразу обратил внимание на то, куда они едут. К действительности его вернул голос таксиста, который в какой-то момент, не переставая крутить баранку, извлек из нагрудного кармана телефон и принялся что-то тараторить в трубку. Разговор слегка насторожил Данилова – он велся на каком-то итальянском наречии, а итальянского он не знал. К тому же ему показалось, что таксист отклонился от маршрута – проскочив короткую тесную улочку, машина вдруг выскочила на пустынную набережную. Впереди был виден каменный мост, какие-то производственные корпуса за ним, гранитная стена набережной, узкая полоска берега, закатанная в асфальт, и лениво плещущая грязноватая серая вода. Пологий спуск вел к самой воде. Такси съехало вниз и притормозило.

– Что происходит?! – возмущенно воскликнул он и тут же сообразил, что здорово влип.

В машину с обеих сторон запрыгнули двое громадных мужиков – оба под два метра ростом, с безучастными прямоугольными лицами и пудовыми кулаками. Они были одеты в белую медицинскую униформу, и откуда они взялись, было совершенно непонятно. Данилов попытался вырваться, вспомнил навыки боя в ограниченном пространстве и пустил в ход локти. Он даже сумел расплющить нос одному бугаю, но угодил в стальные тиски и почувствовал болезненный укол в шею. Тут же перед глазами все поплыло, руки и ноги сделались ватными. Он ощутил вдруг, что стекает по сиденью, тает, точно снеговик под жарким солнцем. Звуки делались все глуше, пока совсем не исчезли, и наступила абсолютная темнота.

Глава 4

Ликостратова разбудил прохладный ветерок, который врывается в открытую балконную дверь, пробежал по номеру и исчезал уже за приоткрытой входной дверью. Солнце светило вовсю, и с улицы доносился явственный шум давно проснувшегося города.

Он тупо посмотрел в окно, пытаясь вспомнить, где находится. У него разламывалась голова. Язык во рту едва ворочался и был сух, как кусок глины.

«Вот черт, как же это я вчера так нажрался! – с неудовольствием подумал Костя. – Вот черт, давал же зарок – не мешать водку с красным! Срам-то какой! Что я вчера натворил? Дойдет до начальства – зарубят командировку в Париж... Вот черт!»

Тут он внезапно вспомнил, что уже в Париже и что ему нужно работать. С усилием поднес к глазам руку, на которой были часы, и с ужасом убедился, что уже почти одиннадцать часов.

«Кошмар! Я опоздал! Я кругом опоздал! Сегодня мне хороших снимков не сделать. И руки трясутся, черт!.. Но как я мог так нажраться? Данилов уехал, а мне принесли в номер бутылку вермута... Данилов! Где он? Неужели это мы с ним вчера так нажрались? Совсем ничего не помню!..»

Нет, кое-что он помнил – эту злосчастную бутылку вермута, первый стакан, который выпил, а потом была темнота.

– Да нет! С одного стакана? – негодуя произнес он вслух. – Да быть этого не может!

Ликостратов встал и, шатаясь, побрел в ванную. Увидев в зеркале жуткую желтую физиономию с ввалившимися глазами, кривую и трясущуюся, с багровыми пятнами на щеках, пробормотал:

– Ужас какой! Куда я в таком виде? Позор на всю Европу...

Ногой он задел что-то, и это что-то покатилося, гремя и звякая. Ликостратов посмотрел вниз и увидел рядом с ванной пять пустых бутылок из-под вермута и одну из-под водки. Он поднял ее, понюхал сивушный аромат с доньшка, и его замутило.

– Ничего не помню! – потрясенно сказал он отражению. – Но такого просто не может быть!

Ликостратов умел пить. Во всяком случае, до сих пор он именно так о себе думал. Что же произошло с ним этой ночью?

«Это все дешевые напитки... Нельзя экономить на здоровье. Надо бы позвонить Данилову, он точно все объяснит. А потом Мариночке. Она поможет мне устроить съемку в павильоне в приватном порядке... Но как стыдно являться к ней в таком виде! А куда деваться? Журналу нужны снимки».

Ликостратов побрился, умылся, принял душ, тщательнейшим образом вычистил зубы и переоделся в чистую одежду. После этих процедур его внешний вид несколько улучшился. Он подумал, не выпить ли ему немного для равновесия, но при одной мысли о выпивке к горлу подступала такая тошнота и так колотилось сердце, что Ликостратов тут же отказался от этой мысли, решив ограничиться чашкой кофе в баре.

Тут появилась горничная, смешливая черненькая девушка в униформе отеля. Лукаво посверкивая глазами, она объяснила, что заходит в номер уже в пятый раз и интересуется, можно ли теперь приняться за уборку, потому что до сих пор мсье спал, и не возражает ли он, если она вынесет те бутылки, которые занимают половину ванной комнаты?

В другое время Ликостратов непременно заинтересовался бы миловидной девушкой и с охотой попрактиковался бы с ней во французской грамматике, но теперь ему сделалось просто стыдно. Он только махнул рукой и пробурчал, что горничная может делать в номере все, что ей угодно, вплоть до петушинных боев или показа мод. Того, что номер не его, Ликостратов тоже

не стал уточнять. Он отправился к себе в номер, убедился, что там все в порядке, и пошел в бар, чтобы выпить чашку кофе. Ноги гудели, как телеграфные столбы в степи.

Смена в отеле была не та, что накануне, но Ликостратов все-таки предпочел выбраться на улицу и поискать кафе где-нибудь поблизости. По дороге он несколько раз набрал номер Данилова, но тот не отвечал. Это и вовсе озадачило Ликостратова. Получалось, что с Даниловым после вчерашнего тоже не все гладко. Сквозь туман в голове все настойчивее пробивалась мысль, что даже очень не гладко. Во-первых, было непонятно, где он. Ушел осматривать экспозицию авиасалона? Но в номере не осталось никаких следов его пребывания. Даже второго стакана...

Ликостратов вдруг сообразил, что действительно второго стакана на столике в номере не было. Но это означало только одно – он надрался в одиночку, без собутыльника. Где же в таком случае Данилов?

Ликостратов встал посреди тротуара как вкопанный и постарался собрать воедино разбегающиеся мысли. Данилов уехал на встречу с представителем пресс-службы, с которым его должна была свести Марина, и, судя по всему, больше в отеле не появлялся. И как это понимать? Служба безопасности его задержала? Он понял, что нужно срочно звонить Марине, и принялся нажимать на кнопки своего мобильного. Марина не отвечала. Ликостратов начал впадать в отчаяние. Оставалось одно – ехать на авиасалон.

Он вернулся в отель, чтобы забрать документы и аппаратуру. Камеры, которые он развешил по своим плечам, сегодня были будто сделаны из чугуна. Обливаясь потом, Ликостратов присел на кровать и без особой надежды еще раз набрал номера Данилова и Марины.

Телефон Данилова по-прежнему молчал, а Марина ответила.

– Блин! – раздраженно сказала она. – И что вы мне названиваете, Константин Иванович?! Я на работе! Знаете, как у нас строго?

– Мы же договорились – на «ты» и без отчеств, Мариночка!.. – жалобным голосом встал Ликостратов. – И прости, ради бога, но тут такое дело... Я просто не знаю, что делать...

– Ладно, быстро говорите, что вам нужно, – отчеканила Марина, игнорируя призывы Ликостратова к сближению. – Я отошла перекусить, а сейчас мне опять в павильон...

– Мариночка, я вчера дал тебе телефон Данилова, – заторопился Ликостратов. – Ну, насчет того типа, который из службы безопасности. Ты обещала позвонить ему...

– Я звонила, – перебила Марина. – Звонила, как дура, пять раз. Но у вашего дружка, видно, были дела поважнее. Он так и не взял трубку.

– Постой! – пробормотал, хлопая глазами, Ликостратов. – Так ты ему звонила? И он не взял трубку? Этого не может быть! Он специально поехал на встречу с тем человеком! Он ждал от тебя звонка!

– Не знаю, чего он ждал, – сердито сказала Марина. – Я говорю, как было дело. И вообще, мне нужно бежать. Если вас это так волнует, найдите сами этого человека. Его фамилия Молчанов. Сегодня прямо в гостинице «Белая звезда» у него встреча с представителями прессы – кажется, в два часа дня, там его и ищите. Может быть, ваш Данилов встретился с ним без моей помощи.

– Спасибо, Мариночка! А как насчет того, чтобы вместе поужинать сегодня вечером?..

Однако Марина уже отключилась. Ликостратов выпил воды и вышел из номера. Обвешанный фотоаппаратурой, вспотевший, он был похож на каторжника. Когда этот медведь, явно пребывающий в дурном настроении, покупал в баре пачку жвачки, зеваки поглядывали на него с некоторой опаской. Ликостратов не обращал внимания на посторонних. Его всерьез начинало беспокоить исчезновение Данилова.

Он вызвал такси и поехал в гостиницу «Белая звезда». С поездкой ему повезло куда больше, чем Данилову. Такси было самое обыкновенное, с водителем-арабом, равнодушным ко

всему на свете, кроме наличных. Однако устрашающий вид Ликостратова он отметил, наградив его на прощание откровенно испуганным взглядом.

Вокруг гостиницы толпились многочисленные представители прессы, туристы, просто зеваки. Ликостратов заметил нескольких журналистов из российского пула и постарался сделать так, чтобы с ними не столкнулся.

В отель он прошел без затруднений, но когда попытался проникнуть в зал для конференций, его остановила охрана и вежливо оповестила, что запускать внутрь будут за полчаса до начала пресс-конференции, не раньше. Ликостратов повел плечом так, что один из этих парней отлетел в сторону, и стал объяснять, что у него срочное дело и ему необходимо переговорить с господином Молчановым. К счастью, тот оказался рядом в нужный момент и услышал, что кто-то его разыскивает. Не разобравшись, кто именно, он оказался лицом к лицу с Ликостратовым и, похоже, тут же пожалел об этом.

– Я – Молчанов, – сухо сказал он, уставившись Ликостратову в глаза. – Что вам угодно?

У него было холодное маловыразительное лицо, поджарая фигура, на которой ладно сидел дорогой костюм, и властный голос. Вероятно, он зачитывал свои коммюнике журналистам, как приказы. Ликостратову стало вдвойне неудобно.

– Тут такое дело, – неуклюже начал он. – У меня крайне важная информация для службы безопасности. Не хотелось бы при всех... Может быть, того... отойдем куда-нибудь?

За спиной Молчанова возник еще один господин в солидном костюме, с короткой светлой челкой, с наушником в правой ушной раковине. Он с нескрываемым любопытством уставился на Ликостратова и весело произнес:

– Вы бы представились для начала!

– Ах да! – спохватился фотограф. – Ликостратов Константин Иванович, фотокорреспондент из «Оптимума». С аккредитацией у меня все в порядке...

– Я вижу, – перебил его Молчанов. – Жаль, что про ваше настроение такого не скажешь. Впрочем, я готов вас выслушать. Уложите в пять минут? Пройдемте!

Вдвоем они отвели Ликостратова в небольшую светлую комнату, большое окно которой выходило на внутренний дворик, засаженный прихотливо остриженными кустами и сверкающим светлой зеленью газоном.

– Итак, я вас слушаю, – сказал Молчанов, не предлагая садиться.

Отирая носовым платком пот, обильно струящийся по лбу, Ликостратов принялся сбивчиво пересказывать то, что ему накануне поведал Данилов. Выходило у него не слишком складно, к тому же многочисленные умолчания, к которым прибегал Данилов, портили рассказ еще больше. Нет, сам Ликостратов верил в историю Данилова, иначе не явился бы сюда, но понимал, что для постороннего уха она звучит немного странно.

– Я не очень хорошо все изложил, – закончил он. – Потому что со слов... Но дело в том, что Данилов пропал, и если он с вами до сих пор не встретился...

– Не встретился, – категорически заявил Молчанов. – Говорите – пропал? А-а, гм... простите, вы вчера много злоупотребили?

– Это тут ни при чем! – горячась, заявил Ликостратов. – Откровенно говоря, с этим самым... ну, вы понимаете... тоже далеко не все ясно. Между прочим, меня очень трудно напоить, а тут... Все будто в тумане. С какого-то места просто ничего не помню! Невероятно!

– Алкогольная кома, – понимающе кивнул Молчанов.

Человек с наушником в ухе негромко хохотнул. Молчанов покосился на него неодобрительно и опять обратился к Ликостратову:

– А пили вы, значит, с Даниловым?

– Да нет же! – уже с досадой воскликнул Ликостратов. – Вы меня не слушаете! Данилов как раз поехал к вам, а я остался ждать в его номере. Это была его идея. Он боялся, что в номер опять кто-нибудь залезет...

– Залезет в номер?! – удивился Молчанов. – Зачем?

– Вот этого я не знаю. Вероятно, из-за той информации, которую получил Данилов. За ним то ли следили, то ли... Не знаю. Вам бы лучше с Даниловым поговорить.

– Да, наверное, – согласился Молчанов и сочувственно добавил: – А знаете что? Давайте-ка приходите завтра, а? И Данилова приводите. А то вы сегодня, я бы сказал, не в форме. Завтра, да? Вот и отлично! Договорились. А сейчас хорошенько отдохните, выпитесь... Надеюсь, клин клином вышибать не собираетесь? Не надо. Лучше, знаете, поесть хорошенько, кефирчику, кофе... Так вы говорите, в «Оптиму» работаете? Так-так...

Он похлопал Ликостратова по плечу, давая понять, что аудиенция окончена. Тот, несколько растерянный, вышел, услышав уже в дверях, как высокий с наушником говорит вполголоса:

– В прежнее время такого бы выслали в двадцать четыре часа, не чикались бы, и в журнале бы он уже не работал...

Кровь тут же бросилась в лицо, но Ликостратов проглотил обиду и поспешил выйти на улицу. Голова по-прежнему кружилась, и тошнота подкатывала к горлу. Все было плохо. Никто здесь ему, разумеется, не поверил, и, положив руку на сердце, будь он на месте Молчанова, то и сам вряд ли бы принял всерьез слова человека, от которого несло перегаром, потрепанного, но готового влезть в драку, путающегося в подробностях.

«Так всегда и бывает, когда человек лезет не в свое дело, – подумал он. – Хотя, если серьезно, речь-то идет о престиже Родины! А он не может быть не моим делом. Нет, тут надо включать дедукцию. Итак, что мы имеем?»

Ликостратов присел на парапет большой клумбы с ярко-алыми цветами, потому что ноги его уже едва держали, и стал размышлять:

«Выводим за скобки информацию про самолет и рассмотрим события, которые касаются и меня тоже. Итак, за Даниловым шел некий человек арабской внешности. Для Парижа это никак не в диковинку, но ведь потом кто-то с похожей внешностью забрался на балкон. Порасспрашивать бы на этот счет портю, но он сегодня не работает. Мы же никакого араба не видели. Однако Данилов утверждает, что в вещах рылись – поверхностно, наскоро, но рылись. Потом мы вдвоем все обсудили, Данилов сел в такси, мне принесли в номер бутылку вермута, а вот дальше наш блестящий план полетел к черту. Такое впечатление, что в дальнейшие события вмешалась чья-то злая воля. Но каким образом? Откуда могли прознать о наших планах? А что, если...»

Ликостратову вдруг пришло в голову, что в номер к Данилову могли проникнуть, чтобы установить «жучок». Секундное дело. Прилепил крошечный передатчик под столом – и слушай, сидя в машине, все, что говорят в комнате. Слушай и мотай на ус. Он смутно вспомнил, что человек, доставивший в номер поднос с выпивкой, не был похож на человека из obsługi. Не было в нем той профессиональной сноровки, угодливости, которой отличаются работники отелей. Да и форменной одежды, кстати, тоже не было. Вчера Ликостратов пропустил эти детали мимо своего внимания, а сегодня оставалось только сожалеть о своем легкомыслии.

Во всяком случае, появилась какая-то более-менее связанная версия происходящего. Он решил немедленно поехать обратно в гостиницу и поискать «жучок».

«Может быть, Данилов вернулся, вот и обсудим вместе, как быть дальше. День сегодня все равно пропал. И кто бы мне сказал, какого черта я навешал на себя все эти объективы?! Проклятие!»

Войдя в отель, Ликостратов сразу же бросился к стойке и поинтересовался, не возвратился ли мсье Данилов.

– Мсье только что взял ключ, – сообщил портю, молодой серьезный человек с прилизанными волосами.

– Отлично!

Забыв про свое плохое самочувствие, фотограф кенгуриными прыжками помчался на второй этаж и буквально ворвался в номер, горя желанием не только увидеть наконец своего коллегу, но и хорошенько отругать его за неуместное исчезновение.

Каково же было его разочарование, когда Данилова в номере не оказалось. Вместо него обнаружился какой-то субтильный мужичонка с рано сформировавшейся на макушке плешью и с водянистыми глазками, взгляд которых было невозможно поймать. На нем красовалась униформа отеля, но что-то в этой униформе было не так – что именно, Ликостратов никак не мог сообразить. Но еще более озадачило то обстоятельство, что пришелец при его появлении как раз поднимался из-под стола, а увидев Ликостратова, быстро спрятал что-то в карман. В голове Ликостратова мгновенно промелькнули все его тревожные соображения насчет подслушивающих устройств и прочих шпионских штучек. Тяжело дыша, он встал на пороге и впился взглядом в мужичонку.

Кажется, тот растерялся. Быстро сделав безразличное лицо, пробормотал дежурное «бон-жур» и попытался проскользнуть мимо Ликостратова в коридор. Окончательно поняв, что дело нечисто, фотограф схватил коротышку за шиворот и, торжествуя, вознамерился хорошенько тряхнуть его, чтобы сразу подавить всякое желание сопротивляться, однако сегодня, похоже, был не его день. Пальцы бойца-тяжеловеса ухватили пустоту, он покачнулся, а дальше случилось нечто уже совсем невероятное – коротышка присел, ловким образом вывернул запястье Ликостратова, дернул его, и фотограф самым позорным образом перевалился через спину француза и всем своим немалым весом припечатался к полу так, что звякнули стекла в оконной раме. В глазах у него на мгновение потемнело, по всему телу пробежал разряд острой боли, и перехватило дыхание.

Когда Ликостратов отдышался и смог, кряхтя, подняться на ноги, выяснилось, что коротышки и след простыл, что под столом нет никакого «жучка», а очень хороший цейссовский объектив разбит вдребезги.

Глава 5

В то время как Ликостратов сокрушался по поводу разбитого объектива и пытался выяснить, что за тип побывал у Данилова в номере, дела самого Данилова шли из рук вон плохо. Он неожиданно оказался в столь плачевных обстоятельствах, что странное опьянение Ликостратова могло показаться на их фоне просто недоразумением.

Пробуждение его было мучительным. Ему казалось, что он расплюсчен каким-то огромным черным камнем, настолько болело все тело. Он не мог пошевелить даже пальцем, не мог приподнять веки. Кровь размеренно билась в висках с глухим чугунным стуком, и от каждого такого удара все в Данилове содрогалось. То же самое творилось и в голове – все мысли смешались в кашу, он не мог вспомнить, где находится, почему ему так плохо, и даже насчет собственного имени был не слишком уверен. Сознание возвращалось медленно – какие-то случайные обрывки мыслей, картинки, рассеивающиеся, как туман, чьи-то голоса. Отчетливее всего было ощущение боли и сильного холода. Холод делался все нестерпимее, он обжигал кожу и вызывал дрожь во всем теле. Именно холод вырвал наконец Данилова из небытия, и он в какой-то момент осознал, что лежит, уткнувшись щекой в шершавый сыроватый песок.

«Почему песок? – тупо подумал он, делая бесплодную попытку приподнять голову. – Эдак ведь и застудиться недолго. Зачем же я тут лежу? Где я вообще? Почему мне так плохо? Я попал в аварию? Я напился? Меня избили? Кажется, сейчас утро? Или вечер? Есть тут еще кто-нибудь?»

Ритмичный шум в ушах от вяло пульсирующей крови мешался с другим похожим звуком, который шел извне и казался эхом. Но постепенно Данилову удалось мысленно разделить эти звуки, и он понял, что кроме шума собственной крови слышит шум морского прибора. Песок под щекой и плеск моря сложили в его воображении уже нечто более цельное, но все же Данилов еще плохо понимал, что с ним происходит.

«При чем тут море? – подумал он. – Сегодня мне с утра в редакцию. Чашка кофе, бутерброд, как обычно... Четыре остановки на метро. В отпуск я, кажется, не собирался. Откуда же взялось море? Чертовщина какая-то! Пусть кто-нибудь мне это объяснит, и поскорее, потому что я больше не выдержу!»

Собрав все силы, Данилов сделал еще одну попытку оторвать щеку от холодного песка. От натуги у него налились кровью глаза, а шум в ушах превратился в угрожающий грохот приближающегося поезда. Во рту пересохло, а в груди что-то неприятно заворочалось. Перед глазами все поплыло, и Данилов снова потерял сознание.

Прошло еще не менее часа, когда он снова открыл глаза. И снова не смог ничего сообразить. Правда, физически он чувствовал себя самую малость лучше, хотя от холода у него сводило все мышцы. Все-таки он сумел как-то подняться и сесть, обхватив себя за плечи. Его трясло.

Данилов мутным взглядом обвел окрестности. Он находился в совершенно незнакомом месте – один как перст, и что все это значило, объяснить не мог.

Перед ним была узкая полоска песчаного берега, над которой уже рассеивался туман и кружили голодные чайки. Песчаная коса со всех сторон была зажата каменными утесами. Под облачным небом размеренно колыхалось неласковое серое море, с глухим рокотом расплескивая по песку одну волну за другой. Справа далеко в море уходил каменный мыс, а за ним в клочьях тумана просматривался маленький островок, а на нем – белая башня маяка. Слева среди россыпи плоских камней валялся истлевший остов рыбацкой лодки. Вопли чаек врезались в барабанные перепонки, причиняя почти физическую боль.

Данилов подполз к большому островерхому камню и, хватаясь за него руками, сумел наконец подняться. Идти он не мог – его шатало, колени подгибались, а дурнота снова безраз-

дельно овладела им. Кажется, никогда прежде Алексей не чувствовал себя таким больным и беспомощным. А главное, не мог ничего понять и не мог ничего вспомнить.

Все-таки он выстоял, и силы постепенно вернулись к нему. С высоты своего роста Данилов сумел рассмотреть кое-что еще. Он понял, что поверх каменных утесов проходит автомобильная дорога. Машин, правда, видно не было – зато на песке проступали следы шин. Кажется, не так давно сюда с дороги съезжала машина. Судя по следам, потом она развернулась и укатила.

«Я приехал сюда на машине? – с тупым удивлением подумал Данилов. – Не помню! Впрочем, вряд ли машина вернется. Нужно идти. Дорога приведет меня к людям. Хотя бы узнать, где я и что...»

Он побрел по следам, оставленным на песке автомобильным протектором. Каждый шаг давался ему с огромным трудом. Все силы уходили на то, чтобы переставлять ватные ноги и удерживать равновесие. Думать ни о чем другом Данилов просто не мог. Его шатало, точно корабль в бурю. Он весь покрылся потом. Сердце бешено стучало. Он остановился передохнуть, трясущейся рукой полез в карман за платком, чтобы вытереть мокрое лицо, и тут обнаружил, что на нем нет привычного костюма и одет он в какие-то грязные ветхие обноски, от которых воняло рыбой. В карманах не нашлось не то что платка, а вообще ничего, даже крошек. Карманы давно и безнадежно истлели. Разумеется, нечего было говорить ни о каких документах, ни о каких деньгах, ни о телефоне, ни о банковской карточке – обо всех этих вещах, без которых немислимо существование в современном мире.

Данилов решил, что его ограбили. Подпоили клофелином и обчистили.

«Можно сказать, что повезло, – подумал он. – Дозу-то мне, похоже, вкатили смертельную. Посмотрели – здоровый мужик, ну, и перестарались...»

Однако кто ему подсыпал клофелин и при каких обстоятельствах – этого Данилов никак вспомнить не мог. Он вообще сейчас плохо ориентировался в пространстве и времени. Чтобы привести окружающий мир в порядок, требовалось поскорее найти людей.

Между тем людей он пока не встретил, даже когда выбрался на дорогу. Она была зажата среди каменистых холмов, покрытых жесткой зеленой травой и густым кустарником. Данилов выбрал направление, ведущее прочь от моря, и двинулся в путь.

Со стороны это было достаточно жалкое зрелище – шатающийся на ходу человек, одетый в рубище, с бледным застывшим лицом, был похож на бездомного бродягу, допившегося до полусмерти. Правда, никто не мог его видеть – дорога по-прежнему оставалась пустынной, а места, среди которых она пролегала, не обнаруживали признаков жилья.

Он медленно брел среди каменистых пустошей, впав в болезненное оцепенение, сосредоточившись только на движении и забыв обо всем остальном. Только однажды его внимание было отвлечено – с грозным гулом над головой в сторону моря прошел большой серебряный самолет. Данилов, морщась, посмотрел ему вслед, испытывая какое-то странное чувство, похожее на беспокойство. Объяснить его он себе не мог, но тревога не отпускала его, пока самолет не растворился в серой дымке над горизонтом.

Окончательно теряя силы, Данилов добрался до поворота дороги и остановился у дорожного указателя. За бурым утесом, покрытым мохом, дорога раздваивалась. На синем фоне указателя белыми буквами было обозначено: «Менневиль – 5 км» и чуть пониже: «Венсан – 1 км». Отвечвление дороги, уходившее влево и скрывавшееся за живой стеной из старых раскидистых деревьев, было поименовано «Ферма «Великолепная устрица».

Внезапно Данилов осознал, что прочел эти надписи на французском. Его будто ударило током. Франция! Море. Самолет. Он вспомнил!

Мыслительное усилие доконало его, и он, испытывая сильнейший приступ тошноты, опустился на обочину, привалившись спиной к большому валуну.

Итак, он во Франции. Приехал в командировку по поручению редактора освещать авиасалон в Ле Бурже, где Россия представляет замечательный самолет, который должен принести в перспективе кучу денег. Если раньше его не взорвут. Данилов вспомнил все.

Нет, кое-какие детали по-прежнему тонули в тумане. Такси, какие-то люди... Что же произошло дальше?

Совершенно точно можно было сказать только одно – его увезли из Парижа на побережье, видимо, в Нормандию или в Бретань, украли все, что было в карманах, переодели в грязное тряпье и выбросили в пустынном месте, скорее всего, умирать. Ну что же, расчет неплохой – кто будет беспокоиться о безымянном клошаре, загнущемся на диком пляже?

Выход из создавшейся ситуации был только один – как можно скорее вернуться в Париж и связаться со своими. Покушение на него – весомое доказательство информации о намечающемся теракте – теперь-то к нему должны будут прислушаться. Но легко сказать – вернуться в Париж. Как это сделать без гроша, без документов, с его ограниченным знанием французского? А тут еще этот непрезентабельный вид. Хорошо, если с ним вообще захотят разговаривать. Похитители все предусмотрели. Даже тот вариант, что он сумеет выжить, хотя первоначальный расчет наверняка был убить. Едва заметный след иглы, быстро распадающийся яд, труп в обносках, никаких документов – вариант идеальный. Пожалуй, даже выжив, он сейчас не слишком-то отличается от мертвого. Во всяком случае, возможностей действовать у него ненамного больше. Данилов знал, с какой настороженностью здесь в провинции относятся к чужакам. Да и где к ним хорошо относятся? Однако выбора не было. Он не мог ждать у моря погоды.

Собрав последние силы, Данилов поднялся и пошел в ту сторону, где согласно указателю располагалась ферма. По пути ему попался маленький яркий трактор, весело тащивший прицеп с какими-то ящиками. За рулем трактора сидел типичный обитатель нормандской глубинки – коренастый, не слишком выбритый, в невероятной кепке, надвинутой глубоко на лоб, в засаленной жилетке и широких кожаных штанах. Он держал руль крепкими ладонями, на которые были натянуты вязаные перчатки без пальцев, и невозмутимо поглядывал на бредущего навстречу Данилова, попыхивая зажатой в зубах коротенькой трубкой.

Данилов невольно остановился, предполагая, что крестьянин захочет выяснить, что за человек бредет на ферму, но водитель трактора спокойно проехал мимо и вскоре свернул, исчезнув за большим камнем на перекрестке.

Зайдя за деревья, Данилов увидел обширный двор, в глубине которого стоял старый двухэтажный дом, выложенный из серого камня, с мансардой и высокой черепичной крышей. Дом окружали многочисленные хозяйственные постройки. Четверо широкоплечих парней разгружали небольшой грузовичок. Две поджарые собаки бросились ему навстречу, подняв оглушительный лай. На шум из дома вышел высокий жилистый человек лет пятидесяти в выцветшем камуфляже. Его угловатое лицо было темно от загара, а ежик волос на голове, абсолютно седой, был словно присыпан снегом. Властные манеры и гордая осанка выдавали в нем хозяина. Он внимательно рассматривал жалкую фигуру Данилова, не торопясь отзывать собак. Парни оставили работу и вопросительно уставились на хозяина, ожидая распоряжений.

Последовали ли они, Данилов уже не узнал, так как силы окончательно оставили его. В глазах внезапно потемнело, и он рухнул на землю. Озадаченные собаки обнюхали неподвижное тело и тоже повернули головы к хозяину.

В очередной раз Данилов очнулся на жесткой, но довольно чистой постели в незнакомой комнате, стены которой были выложены ослепительно-белым кафелем. Скосив глаза, он увидел хирургический стол и стеклянный шкаф с инструментами. И стол, и аксессуары выглядели слегка анахронично, будто их переместили сюда из середины прошлого века. Но зато рядом с железной койкой, на которой он лежал, стояла вполне современная капельница, а по прозрачной трубке в кровь Данилова медленно вливалась какая-то бесцветная жидкость. И еще он

обнаружил на себе сиреневую пижаму в синюю полоску. При этом чувствовал он себя значительно лучше, нежели после первого пробуждения, и оттого преисполнился благодарности к неведомому лекарю, взявшему на себя труд привести его в чувство. Правда, на больницу это было похоже лишь отчасти. Данилову казалось, что даже в глуши французская больница не может выглядеть столь аскетично. Здесь было что-то другое. Может быть, так выглядит приют для нищих?

Он напряг память и вспомнил, что это – территория какой-то фермы, и высокого седого человека в полувоенной форме на крыльце старого дома. Нет, то был не приют. Может быть, крестьяне привезли его сюда, когда поняли, что так возни с ним будет меньше?

Данилов размышлял над этим, как вдруг открылась дверь, и вошел тот самый седой человек в пятнистом камуфляже десантника. С близкого расстояния были хорошо видны старые шрамы на его лице, появившиеся явно не после бритья. Глаза у человека были серые и очень холодные, выдержать такой взгляд очень непросто, но Данилов выдержал, и хозяину это, кажется, понравилось.

– Вам лучше, как я вижу, – сказал он, подходя ближе и усаживаясь возле кровати на стул с низкой спинкой. – Русский?

Поскольку разговор велся на французском, Данилов был удивлен.

– А откуда вы узнали, что я...

– В беспамятстве вы говорили по-русски, – объяснил хозяин. – Попали в переплет? Бизнес?

– Почему вы решили, что я бизнесмен?

– Одеты вы были неприглядно, – сказал француз, – но ногти на руках у вас ухоженные. Можно предположить, что вас насильно переодели в это барахло и бросили здесь умирать. Кстати, что за яд вам ввели, не знаете?

Наблюдательность фермера поразила Данилова, но одновременно и насторожила. Он беспокойно оглянулся по сторонам и спросил:

– С чего вы решили, что мне ввели яд? И вообще, скажите, где я нахожусь? Что это за место?

– В своем доме я держу небольшую операционную, – объяснил хозяин. – По профессии я врач. Долгое время был лекарем в Иностранном легионе. Побывал всюду – Африка, Камбоджа, Вьетнам, Тихий океан. Опыт у меня большой, но специфический. Ваш случай отчасти мне знаком. Человеку делают укол, после чего он умирает от сердечного приступа или чего-то вроде. Тело бросают в пустынном месте, не оставляя никаких предметов, которые помогли бы это тело опознать... К счастью, у вас оказался на редкость крепкий организм. Или, возможно, яд был слабый. Ваши конкуренты, вероятно, торопились?

«А если он из этих? – лихорадочно пронеслись мысли в голове Данилова. – Выспрашивает, что я помню, а сам думает, как довести до конца черное дело. Да нет, чепуха! Он уже десять раз мог меня убить».

– И все-таки, где я нахожусь? – спросил он вслух. – Мне нужно в Париж. Собственно, я не бизнесмен, а журналист. Русский журналист. Алексей Данилов мое имя. Приехал освещать работу авиасалона в Ле Бурже...

– Вот как? – слегка приподнял брови хозяин. – Ну, что же... Находитесь вы в Нормандии, на моей устричной ферме. Меня зовут Сезар Виго. Что касается работы авиасалона, то вы избрали странный способ ее освещать. Насколько мне известно, салон работает уже третий день...

– Как?! – Данилов едва не подскочил на кровати. – Как третий? Меня вчера выбросили здесь на берегу... Сегодня салон должен только открываться...

– Все не так, – покачал головой Сезар. – Двое суток вы лежали без сознания у меня под капельницей. Поймите, ваше состояние было, мягко говоря, неважным... Даже сейчас я не поручусь...

– Дело не во мне! – поморщился Данилов. – Надеюсь, хуже мне уже не будет. Но есть одно дело, которое не терпит отлагательств. Если бы вы помогли мне добраться до Парижа, я бы возместил вам все затраты. Это срочно. Может произойти катастрофа. Кстати, – с испугом спросил он, – вы смотрите новости – в Ле Бурже ничего страшного не произошло?

– Я не так уж тщательно слежу за новостями, – пожал плечами Виго. – Меня больше волнуют мои устрицы. По этой причине мне не хотелось бы отвлекаться на ваши проблемы. Я и так истратил на вас массу времени.

– Тогда почему вы не сообщили обо мне в полицию? – сердито спросил Данилов. – Не сдали властям, в больницу? У вас ведь есть какая-то «Скорая помощь»?

– Во-первых, я предполагал, что вы – бандит, – без обиняков сообщил Сезар. – Сдать вас властям, значит, поставить на вас крест. Во-вторых, время от времени я стараюсь практиковаться в своей старой профессии. Не хочется терять квалификацию, знаете ли... А тут подвернулся такой незаурядный случай! Мне удалось вас выводить, и это наполняет мое сердце гордостью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.